Глава 35. Впервые в истории. (Отец Себастьян).

Агенты Святого Престола среди магглорожденных давно сообщили о «точке связи» обычного мира и скрывающихся магов. Да и скрывались волшебники не слишком-то усердно. Статут, конечно, еще соблюдался, но вот маскировочные заклятья, которыми прежние маги укрывали свои жилища от инквизиторов былых времен — давно уже рассеялись. Так что никто не обратил внимания на незнакомого человека в длинном плаще, зашедшего в «Дырявый котел» с улицы. Раз зашел — значит не маггл, значит «право имеет». А уж как пользоваться камином нам давно и в подробностях объяснили. Правда, как выяснилось, рассказ о способе путешествия, и практический опыт — вещи все-таки серьезно разные. Так что из камина в «Трех метлах» я вылетел кувыркком и весь в саже, порадовавшись длинному плащу с капюшоном, который успешно защитил меня от появления «боевой раскраски», пусть и ценой собственного существования: отстирать его после такого будет весьма проблематично.

Но неприятности путешествия полностью сгладились, когда я увидел выражение лица хозяйки «Трех метел». Сняв плащ и оставшись в привычной и удобной серой рясе, я широко благословил «дом, и всех обитающих в нем». В конце концов, в нашем ордене давно уже канула в небытие ненависть тех времен, когда гордыня обуяла могущественные магические кланы, а фанатизм застил глаза наших братьев — последователей святого Игнатия Лойолы.

В пабе, на верхнем этаже, что-то громко хрустнуло и грохнуло.

— Прошу прощения, — обратился я к хозяйке, — но хранить в доме проклятые вещи — не полезно для здоровья.

— Ох... — хозяйка паба, кажется — мадам... Роземарта? Или как-то так... — вскочила и вихрем унеслась на второй этаж. Вернулась она, с растерянным видом держа в руках переломленную пополам статуэтку какого-то языческого божка.

— Простите... — остановилась она, не зная, что сказать еще.

— Сами по себе идолы язычников — не опасны, — я провел над обломками статуэтки наперстным крестом, и тот полыхнул солнечным светом, сигнализируя о присутствии зла, и развеивая его. — Но конкретно этот — был кем-то проклят. Серьезно и основательно, как говорится — «от души».

— Но... что мне теперь делать? — растерянно посмотрела на меня мадам... ах, да, вспомнил — Розмерта. — Это же реликвия, оставшаяся от прабабушки...

— Выкиньте, — посоветовал я. — Сейчас это — не более, чем осколки, в них уже нет зла. Или склейте, если статуэтка Вам дорога как память, только склейте вручную, а не заклятьем, а то проклятие может и возродиться.

— Бла... благодарю, свя... той от..тец — женщина откровенно заикалась, только сейчас осознав, кто именно вышел из ее камина.

— Не бойся, — улыбнулся я ей. — Я чувствую на тебе благословенный крест, и не чую зла, кроме обычного для человека. Так почему я должен злиться на то, что ты пользуешься теми силами, что даровал тебе Господь Вседержатель?

— Но... — мадам Розмерта была явно ошарашена такой трактовкой.

— Просто помни, что и ножом можно резать не только мясо на кухне, но и чужие глотки.

Магия же многократно более полезна... но и многократно более опасна. Ваши предки возгордились и возжаждали власти над тем, что было даже вне их разумения, за что и были отторгнуты от света Церкви. Вы же вернулись к свету веры.

Произнеся это, я вышел из паба, оставив окаменевшую от изумления женщину осмыслять сказанное, и пошел по дороге к замку Хогвартс.

Возле самых ворот меня окатило холодом. Страх и отчаяние попытались ворваться в мою душу. Нечистый дух пикировал на меня сверху. Похоже, он ждал неосторожного путника среди зубцов стены.

Я схватился за нагрудный крест и начал читать псалом царя Давида.

— Если пойду я и долиною смертной тени... — дух отлетел чуть в сторону, и давление на меня уменьшилось. Я собрался с силами и продолжил.

— Не убоюсь я зла!

Тварь смело и с размаху ударило об стену, по которой разбежались выписанные зеленоватым свечением символы хранящих заветов. Впервые с момента атаки дух издал хоть какой-то звук. И это был плачущий вой ужаса. Искаженный и оскверненный дух взлетел вертикально вверх, стараясь держаться подальше от губительного для него света Веры. Я проводил его взглядом, сожалея, что так и не научился летать, и не могу преследовать эту тварь и изгнать ее из мира живых окончательно, даровав возможность мертвым душам очиститься в пламени Чистилища.

Тяжело ступая, вошел я под своды замка, в котором слуг Церкви нашей не было вот уже почти половину тысячелетия. Но, все-таки, где-то там, в глубине замка, пылал и звал меня чистый свет освещенной часовни. К сожалению, сейчас я не мог пойти прямо на зов. Меня ждал Большой зал.

— Отец Себастьян. Встречайте! — разумеется, директор не мог не почувствовать моего появления.

Двери открылись, и я вошел в зал. Дети притихли за своими столами. Да и на лицах взрослых, сидевших за отдельным столом, просматривалась печать страха. Я посмотрел на столы, за которыми ученики готовились к трапезе. Там, куда падал мой взор, дети либо съеживались в ужасе, либо, напротив, старались показать, что им все нипочем, демонстрируя тем самым страх как бы не более явно, чем те, кто и не пытался его скрыть.

За столом справа от меня я заметил знакомые лица. Гарри Поттер, он же Морион, Черный камень Иного мира, вскочил, держась за руки с Гермией, и они подбежали ко мне, под испуганные шепотки зала.

— Отец Себастьян! Здравствуй! — поздоровалась девочка.

— Благословите, святой отец, — склонил голову Гарри.

— Господь с вами, дети! — поднял я руку в жесте благословения. — Гарри, — зал вздрогнул, — много ли ты нагрешил с последней нашей встречи?

До первой нашей встречи в Литтл Уигинге я только чисто теоретически знал о том, что некоторые демоны могут спокойно принять благословение, и считал это знание —

«теоретическими измышлениями, не имеющими отношения к действительности». Но вот он, демон, несущий на своей душе знаки Изменчивых ветров. Стоит, довольно щурится, как котенок, которого чешут за ухом, и отнюдь не торопится падать в жутких корчах. Значит ли это, что в этой душе нет зла? Но в записях братьев-экзорцистов о деяниях Ксеноса Мориона рассказано многое... От некоторых страниц упал бы в обморок и маньяк-расчленитель со стажем. И тем не менее...

Вообще говоря, задавая вопрос о грехах прямо в зале я несколько прошелся по грани тайны исповеди, и юный демон вполне имел право послать меня дальней дорогой... Но суть моего служения требовала этого, а дискуссии Реформации, исключительно чудом Господним не разорвавшие Церковь на враждующие секты, оставили большой след в доктринах... Так что я надеялся...

— Грешен я, святой отец. Слаб и грешен. И когда бьют меня по правой щеке, подставить левую — как-то никак не получается. Все больше скользящий блок и левый в челюсть выходят, — я улыбнулся. Отличный ответ, и повод для небольшой проповеди.

— Когда надо выпрямить изогнувшуюся ветвь, ее перегибают в обратную сторону. Так и Господь наш, Иисус, учил Добру Великому, чтобы стремясь к нему, познали люди хотя бы добро малое. Не кори себя за то, что не в силах поднять крест, что только Сыну Господнему по силам оказался — то гордыня, — но твори добро, где можешь — и благословен будешь.

Все-таки не могу я воспринимать этого парнишку как кошмарного древнего демона, но только как веселого, гордого, хотя временами и коварного подростка, возможно, чуть постарше девочки, что крепко держится за его руку. Дети поклонились мне и убежали обратно к своим местам. Я же продолжил путь к столу, где собрались преподаватели. Потому как если среди детей и взблескивали временами искры зла, то не большие, чем в любом другом детском коллективе. Среди же учителей сгущалась такая туча застарелой боли и отчаяния, что там явно было много работы для исцеляющего души пастырского слова.

<http://tl.rulate.ru/book/69518/1850334>